

НАТАЛИЯ СОТНИКОВА

ФАВОРИТКИ И ФАВОРИТЫ



Платирущие
фаворитки

Фаворитки и фавориты

Наталия Сотникова

Танцующие фаворитки

«Алисторус»

2020

УДК 82-84
ББК 84.3

Сотникова Н. Н.

Танцующие фаворитки / Н. Н. Сотникова — «Алисторус»,
2020 — (Фаворитки и фавориты)

ISBN 978-5-907255-40-1

Их мастерство покоряло, их облик завораживал, перед ними было невозможно устоять. Почему фаворитками сильных мира сего нередко становились танцовщицы? Отчего король Пруссии, женоненавистник Фридрих II Великий, осыпал милостями танцовщицу Барбарину Кампанини? Действительно ли роман со знаменитой балериной Фанни Эльслер ускорил смерть сына императора Наполеона I Бонапарта, герцога Рейхштадского? Как «ирландской испанке» Лоле Монтес удалось лишиться трона короля Людвига I Баварского? В самом ли деле цесаревич Николай был безумно влюблен в Матильду Кшесинскую? Действительно ли Екатерина Гельцер стала матерью внебрачного сына Карла-Густава фон Маннергейма? Что знала балерина и звезда немого кино Вера Каралли о готовящемся убийстве Распутина? Как исчезают во тьме веков факты и возникают легенды? – об этом новая увлекательная книга популярного автора Н. Сотниковой.

УДК 82-84

ББК 84.3

ISBN 978-5-907255-40-1

© Сотникова Н. Н., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Жрицы двух богов	6
Из анналов истории моды и балета	7
Роман, которого не было	13
Фаворитка под вопросом	17
Блеск и нищета королевства Пруссия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталия Сотникова

Танцующие фаворитки

На обложке использована картина Ж. Рау «Танцовщица Франсуаза Прево в роли вакханки»

© Сотникова Н.Н., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Жрицы двух богов

Когда долго занимаешься одной и той же темой, то иногда она оборачивается совершенно неожиданной стороной и побуждает взглянуть на нее в совершенно другом аспекте. Например: женщины какого социального положения чаще всего становились фаворитками сильных мира сего? Произведя некоторый примерный статистический анализ, можно выделить четыре основных категории:

1). Знатные дамы, но не настолько знатные, чтобы претендовать на роль супруги высокого лица, облеченного властью;

2). Женщины низкого звания, совершенно лишённые какого бы то ни было образования, вероятно, привлекавшие правителей во всех отношениях именно полным контрастом со знатными дамами;

3). Куртизанки – надо полагать, никаких объяснений не требуется;

4). Труженицы подмостков сцены, т. е. актрисы и танцовщицы. Как это ни странно, в числе фавориток почти нет певиц – видимо, издаваемые ими рулады больше раздражали мужчин, нежели возбуждали их чувственность. Но вот довольно велико количество танцовщиц или тех, кого с конца XVIII века по итальянской моде стали называть балеринами. (Кстати, танцовщика-мужчину итальянцы до сих пор называют *ballerino*, но в прочих европейских языках это слово по какой-то причине не прижилось.)

Итак, почему же танцовщицы? Наверное, потому, что свою чисто физическую красоту и лукавое искусство обольщения они приправляли, как особой пряностью, еще и непреодолимой силой своего профессионального мастерства. Наверное, потому, что их натренированное в танцах тело отличалось особой неутомимостью и изобретательностью в любовных утехах. Привыкнув к перевоплощению на сцене, они и на ложе любви продолжали преображаться в женщин разного темперамента и национальности.

Любой феномен принято исследовать с исторической точки зрения. С данной целью привлекаем свидетельство из «Нового завета», «Евангелия от Матфея», один из наиболее эротичных эпизодов Библии: дочь Иродиады от первого брака, Саломея, настолько угодила на пиру своей пляской царю Ироду, что тот, обуреваемый забушевавшими в нем страстями, «с клятвой обещал ей дать, чего она ни попросит». По наущению матери Саломея попросила голову пророка Иоанна Крестителя. И царь Ирод, все еще пребывая под потрясением от пляски Саломеи, теперь уже без малейших колебаний решил на то, на что у него до сих пор не поднималась рука: приказал оруженосцу отсечь пророку голову.

Но все то были дела давно минувших дней, приукрашенные романтическим флером преданий старины глубокой, а в моем повествовании я не собираюсь уходить дальше XVIII века.

Из анналов истории моды и балета

Опять-таки, почему же танцовщицы? Ну, не в последнюю очередь потому, что в те времена, когда женщины носили громоздкие, неудобные, скрывающие все, кроме лица и рук, одеяния, жрицы Терпсихоры первыми начали упрощать и облегчать женский костюм, дабы он как можно меньше стеснял их движения. Знаменитая французская танцовщица Мари Салле (1707–1756), выступая в Лондоне, поставила балеты «Пигмалион» и «Ариадна», в которых выступала без широченных юбок и панье, корсажа и высоченной прически. Она была облачена в простое одеяние из кисеи, как на античных статуях, а волосы распущены. На ее бенефис лондонцы расхватывали билеты буквально с боем и за бешеные деньги, а после представления бросали на сцену цветы и конфеты – завернутые в банкноты золотые монеты, так что всего танцовщица заработала 200 000 франков. Решительно укоротила юбки и облегчила балетную обувь другая выдающаяся танцовщица XVIII века, Марианна Камарго (1710–1770). Она также убрала каблучки, мешавшие ей при исполнении наиболее замысловатых коленец.

Балет и дальше следовал по пути облегчения сценического костюма. В XVIII веке танцовщиц Парижской оперы в приказном порядке обязали носить панталоны из плотной ткани до колена вследствие имевшего место весьма скандального инцидента. Как-то во время спектакля настал момент смены декорации, которая при подъеме зацепила юбку известной своей красотой, но посредственной танцовщицы Мариэтты и подняла ее вместе с панье на голову девушки. Зрители увидели, что под юбкой на красавице не было ровным счетом ничего. В XIX веке эти панталоны стали шить из воздушной ткани и отделывать оборками, они успешно прятались в кисейных юбках танцовщиц эпохи романтического балета. Когда сюжеты балетов заимствовались в основном из античной истории и мифологии, балерины на совершенно законных основаниях порхали по сцене в более чем легкомысленном обличье богинь, вакханок, нимф, дриад, nereид и амуров. Поклонники знатных дам с ума сходили от счастья, если им удавалось узреть ножку своего предмета обожания – естественно, не выше щиколотки, – но балерина имела все возможности показать товар лицом. Более того, она нещадно эксплуатировала эти возможности, дабы добиться успеха у зрителей и обзавестись либо богатым, либо влиятельным любовником.

Не будем углубляться здесь в причины социального порядка, которые заставляли родителей-бедняков отдавать дочерей в обучение танцу в надежде, что в дальнейшем девушка сможет найти себе такого покровителя. Некоторые запрещали дочерям выходить замуж молодыми, ибо на нищей бесприданнице мог жениться только такой же, как она, бедняк, а на сцене девушка могла привлечь внимание богатого аристократа или торговца. Некоторые буквально продавали дочерей еще девочками состоятельным мужчинам, платившим за их обучение танцу и возвращавшим себе будущую любовницу. Иллюстрацией к тому служит типичная судьба довольно известной французской танцовщицы Мари Аллар (1738–1802).

Она родилась в семье бедняков, которые от безысходности предложили десятилетнюю дочку некоему господину В., согласившемуся оплачивать ее обучение в Марсельском театре. Через два года умерла мать, и Мари перешла в Лионскую оперу. В возрасте 14 лет она перебралась в Париж, где меняла любовников как перчатки, ибо выросла в замечательную красавицу. В возрасте 18 лет состоялся ее дебют в Парижской опере. Среди поклонников Мари числились принцы, герцоги и богатые финансисты. На короткое время она сошлась со знаменитым танцовщиком, прозванным «бог танца», Гаэтано Вестрисом (1729–1808) и родила сына Огюста (1760–1840). Под руководством родителей мальчик в свою очередь вырос в самого известного танцора уже другого времени, и только тогда Гаэтано признал свое отцовство. Среди бывших любовников Мари имела хождение такая шутка:

– Подсуетись я полчаса раньше, и Огюст был бы моим сыном!

Кстати, сестра Гаэтано Вестриса, Тереза, прославившаяся своей красотой, была чрезвычайно распутна, что проявлялось даже на сцене – ее танец в балете «Армида» сочли скорее похотливым, нежели страстным. Зато она одна из первых поняла, какое преимущество имеют облегченные башмачки Камарго. Каждое утро служанка плотно обшивала атласную туфельку на ноге своей хозяйки, подчеркивая ее изящную форму, а вечером разрезала на клочки – иначе снять ее было невозможно.

Тут необходимо сделать отступление по поводу весьма своеобразного положения танцовщиц Парижской оперы. До 1775 года действовало возведенное в закон правило, что танцовщица, зачисленная в труппу театра, выходила из-под ответственности родителей, полиции или мужа. Это своеобразное крепостное право позволяло аристократам безбоязненно умыкать приглянувшихся им девиц. Если родители жаловались дирекции театра, им отвечали, что полиция не в состоянии ничего сделать, поскольку их дочери являются собственностью Оперы. Девушки же пускались во все тяжкие, чтобы подцепить любовника повыгоднее: они обзаводились так называемой «маменькой», выполнявшей роль сводницы и знакомившей ее с новыми поклонниками. Уже знаменитую Камарго в возрасте 18 лет похитил граф де Мелен, ее родители неоднократно обращались в полицию, но там только разводили руками – танцовщица всецело принадлежала Парижской опере.

Однако вернемся к дальнейшей судьбе Мари Аллар. В какое-то время ее контракт временно приостановили, ибо, по мнению дирекции, «она имеет прискорбное обыкновение рожать по два младенца в каждые полтора года, отчего постоянно пребывает в состоянии, пагубном для произведения нужного сценического воздействия». Мари все более и более полнела, количество поклонников уменьшалось, и в 1781 году ее уволили. Промотавшая кучу денег Мари в старости с трудом перебивалась на ничтожную пенсию плюс ренту, оставленную ей принцем де Конти.

Принц Луи-Франсуа де Конти (1717–1776) был во многих отношениях человеком примечательным. Он сделал блестящую военную карьеру в войнах за польское и австрийское наследство, был предложен кандидатом на польский трон и вообще играл видную роль при дворе Людовика XV, пока не попал в опалу у маркизы де Помпадур.

Принц обожал коллекционировать картины и всякие редкие произведения искусства. Он покровительствовал Жан-Жаку Руссо, поселив его на жительство в своем замке Три, и обеспечил молодого драматурга Бомарше пожизненной пенсией в 2000 ливров. Принц также увлекался театром и хорошенькими актрисами. У него была небольшая странность: если он обращал внимание на какую-нибудь женщину, та была обязана подарить ему колечко (разумеется, расходы дамы возмещались сторицей). Всем кольцам велся строгий учет с указанием дня и года начала и конца связи с фавориткой. После кончины принца в этой своеобразной коллекции насчитали 4317 предметов. Помимо этого, он в своем завещании оставил небольшие пенсии чуть ли не всему балетному персоналу Парижской оперы. Как видно из вышеприведенной биографии Мари Аллар, многим она явно пришлась кстати.

Так что прелестные нимфы, наяды и амуры были по большей части особами ветреными и без сожаления меняли своих поклонников. Как-то раз незначительной, но пикантной танцовщице Дематэн поручили роль несчастной покинутой женщины. На репетиции у нее ничего не получалось. Балетмейстер взмолился:

– Войдите, мадмуазель, в положение этой женщины и скажите, какие чувства овладели бы вами, если бы вас покинул любимый человек?

– Нет ничего проще! Я тотчас же взяла бы себе другого любовника!

Характерен старый анекдот о четырех чудесах Парижской оперы: голосе певицы Лемор, икрах танцовщика Дюпре, ногах балерины Мариэтты и добродетели – поистине, это высоко нравственное качество не прижилось среди жриц Терпсихоры. Девушки, наголодавшиеся и настрадавшиеся в детстве и отрочестве, вымещали накопившееся на весь белый свет зло на

своих поклонниках, дочиста разоряя их, – среди нимф Оперы это считалось делом чести. Богачи же безумствовали, чтобы щегольнуть своей тугой кошелем. Известный финансист Кроза оклеил комнату в особняке своей любовницы вместо обоев банкнотами на сумму в один миллион ливров. Другой поджег дом, в котором жила никак не поддававшаяся соблазну танцовщица, чтобы она переехала в купленный им для нее особняк. Некий несметно богатый португальский еврей перешел в католическую веру, чтобы отделаться от жены-еврейки (закон запрещал католикам жениться на еврейках). С первой женой его развели, но жениться на христианке все-таки не позволили, и он проматывал свое состояние вдвоем с танцовщицей Дервье, ради него оставившей сцену. Среди знаменитых французских куртизанок почетное место занимает Розали Дюте (1766–1830), которая официально служила в кордебалете Оперы, а неофициально зарабатывала себе на роскошную жизнь известным способом, причем имела оригинальную специализацию: лишала девственности сыновей знатных аристократов, включая членов династии Бурбонов. Герцог Орлеанский сделал ей такой комплимент:

– Ваше обучение чудесно, мадмуазель, и я буду иметь удовольствие рекомендовать вас тем моим друзьям, чьим сыновьям приспела пора лишиться девственности.

Естественно, и самые сильные мира сего, короли и принцы, тоже не оставались равнодушными к чарам красивых и жизнерадостных танцовщиц, казалось, никогда не поддававшихся унынию. Король польский и курфюрст саксонский Август Сильный был известен как неисправимый донжуан (если есть желание подробнее узнать о его похождениях, см. мою книгу «Что губит королей», повесть «Нерыцарский роман», часть вторая). В 1708 году его постоянной метрессой числилась графиня Анна-Констанция фон Козель, родившая в феврале свою первую дочь от Августа. Роды были очень тяжелые, жизнь матери буквально висела на волоске, и, пока не миновал кризис, Август буквально ни на шаг не отходил от постели любимой женщины, проявив не свойственное ему сострадание.

Когда здоровью Анны-Констанции больше уже ничто не угрожало, король предпринял путешествие в Голландию, Фландрию и Брабант (напомним, что независимой Бельгии тогда не существовало и столицей этой нидерландской провинции был Брюссель). Для большей свободы передвижения правитель путешествовал под вымышленным именем графа фон Торгау. В Брюсселе Август, любитель представлений, посетил спектакль в местном театре. Здание было относительно новым, его построили на месте сгоревшего во время французской интервенции монетного двора (отсюда и название «Де ла Моннэ») два венецианских архитектора. Представляли в этом храме искусства заезжие артисты, которых привозили итальянские импресарио. Спектакль вызвал у Августа неподдельное восхищение, в особенности же на него произвели впечатление внешность и искусство танцовщицы Анжелики Дюпарк. У него возникло жгучее желание поближе познакомиться с этой прелестницей, и, вернувшись после представления в свою уборную, прекрасная Анжелика обнаружила там приглашение на ужин в знаменитую ресторацию Вернуса. Беззаботная и веселая женщина заставила уже начавшего стареть от беспорядочного образа жизни короля вновь почувствовать себя юным и полным сил. Она всячески льстила ему, уверяя, что граф не может быть немцем, ибо у него ум, манеры и любезность француза. Август поклялся, что он есть самый чистокровный саксонец. И это весьма заинтересовало молодую женщину. Дела в брюссельском театре обстояли неважно, похоже, ей вскоре придется искать новый ангажемент. У нее есть тетка, служащая во французской труппе при дрезденском театре, Анжелика несколько раз обращалась к ней похлопотать, чтобы туда приняли и ее с мужем, но тетка каждый раз говорила, что вакансий нет. Граф фон Торгау выказал себя любезнейшим человеком, пообещавшим танцовщице выгодный ангажемент в Дрездене. Перед отъездом на следующее утро он подкрепил свое обещание ценным подарком.

Было бы не совсем правильно полагать, что Анжелика Дюпарк располагала свободой вольной пташки и имела полное право порхать там, где ей вздумается. Ничего подобного! У нее был законный супруг, балетмейстер Шарль Дебарг, отпрыск известной театральной фран-

цуской династии, и граф фон Торгау перед отъездом встретился с ним и убедил приехать в Дрезден, заверяя, что окажет супругам свою помощь в получении ангажемента.

Дела в театре Брюсселя шли неважно, импресарио несли убытки, а прижимистые местные купцы были поразительно глухи к стенаниям деятелей искусства. Итак, в 1709 году, когда в театре «Де ла Моннэ» прогорел очередной итальянский импресарио, супруги направили свои стопы в Дрезден и по прибытии были немало удивлены, когда не смогли найти там никакого графа фон Торгау. Однако тетка отвела Анжелику с мужем к фон Мурдаху, директору оперы и главному распорядителю королевских увеселений. Тот принял супружескую пару на редкость любезно, сообщил, что у него имеется приказ на зачислении их в труппу театра. Честно говоря, тогда в Брюсселе танцоры приняли графа фон Торгау за пустопорожнего бахвала. Уже 24 июня супруги были официально приняты на службу в королевский театр на весьма выгодных условиях. Их жалованье составляло 1200 талеров в год, а со временем возросло до 2000. Помимо этого в распоряжение балетной четы в Дрездене был предоставлен недурной дом с полной обстановкой.

Танцорам было велено готовиться к исполнению партий в предстоящем спектакле «Принцесса Элидская». Только на премьере Анжелика увидела в ложе короля и признала в нем загадочного графа фон Торгау. От радости ей сделалось дурно, она упала в обморок; король приказал через одного из своих адъютантов передать ей флакон с душистой водой. Это произвело неприятное впечатление на графиню Козель, у нее в душе зародились дурные предчувствия.

Король даже не пытался скрыть своего увлечения пленительной танцовщицей, всецело поглотившее монарха. Он проявил характерную для него широту души, как-то подарив Анжелике театральный костюм, расшитый бриллиантами. Графине фон Козель вскоре донесли о появлении новой фаворитки. Злые языки по сложившемуся обычаю называли Анну-Констанцию «правлящей любовницей», а Дюпарк – «неофициальной». Писатель Йоганн-Михель фон Лоен восторженно отзывался о танцовщице как «непревзойденной в скорости и ловкости вращения». Естественно, ревнивая графиня приложила все усилия к тому, чтобы побыстрее избавиться от такой ничтожной соперницы. Но не тут-то было: 30 апреля 1714 года Август уволил супругов Дюпарк со службы, но уже 1 июля 1715 года они снова вошли в состав королевской балетной труппы.

В 1720 году чета Дюпарк перебралась в Варшаву, где приняла участие в ряде спектаклей, поставленных французскими хореографами. Похоже на то, что в ту пору супруги проживали не более и не менее как в королевском замке – невиданная честь для членов танцевальной труппы. К тому же придворный художник Адам Маниок написал портрет Анжелики, который теперь находится в коллекции дворца на острове в королевском парке Лазенки в Варшаве. В конце года муж и жена вновь вернулись в Дрезден, где во время карнавала выступали в пасторали «Миртиль». В октябре 1721 года муж Анжелики скончался в Дрездене; овдовев, Анжелика получала жалованье в тысячу талеров. В 1724 году она в последний раз выступила в придворном театре Дрездена. После этого сообщения имя Анжелики Дюпарк больше не упоминается в документации королевских театров, но там регулярно мелькает имя ее сына Каспара Дюпарка, служившего инспектором театрального гардероба в Дрездене в период 1732–1744 годов. Мы ничего не можем утверждать, но – кто знает? – не являлся ли он одним из тех многих побочных отпрысков Августа, которыми тот столь щедро пометил пути своих бесчисленных любовных побед?

Франц I Стефан Лотарингский (1708–1765), супруг великой австрийской императрицы Марии-Терезии (1717–1780) и избранный император Священной Римской империи германской нации, особенно в дела управления государством не вмешивался и в радостях жизни себе не отказывал. Под предлогом наведения порядка в своих образцовых имениях он удалялся на лоно природы, где и развлекался всю как с местными дамами, так и крестьянками. Известно

его увлечение княгиней Марией-Вильгельминой фон Ауэсперг, которая была как минимум на четверть века моложе него. Видно, он извлек нужные выводы из руководства, составленного для него лейб-медиком супруги-императрицы (одно из первых известных европейских руководств по сексуальной жизни семейной четы): «Да соизволит ваше высочество прикоснуться к наружным половым органам ее величества...» Супруги, по мнению окружающих, жили душа в душу, доказательством чего явились 16 детей. При рождении очередного отпрыска Мария-Терезия с удовлетворением повторяла:

– Детей никогда не бывает много.

Среди потомства преобладали девочки, товар весьма выгодный для укрепления родственных связей с монархами из других династий. Мария-Терезия и помыслить не могла, чтобы ее супруг с вождением бросил взгляд на другую женщину, а потому, когда он стал засматриваться на венскую балерину Еву-Марию Файгель, она тотчас же удалила ее из поля зрения супруга.

Файгель выступала в балетных спектаклях под сценической фамилией Виолетти («фиалочка») вместе со своим братом Фердинандом-Карлом. Некоторые биографы утверждали, что она была дочерью уважаемого венского купца Иоганна Файгеля, но сама танцовщица и ее муж впоследствии усиленно внушали своим знакомым, что Ева-Мария – дочь благородных родителей. Надо сказать, что утонченные черты ее лица мало вяжутся с типичным обликом венской обывательницы. Кто-то из ее биографов уверял, что она в свое время принадлежала к числу самых красивых женщин Европы.

Итак, танцовщице порекомендовали уехать как можно дальше за пределы Священной Римской империи, и она, не зная ни слова по-английски, в 1746 году оказалась в Лондоне. Ее по какой-то причине приютила в своем доме Дороти Бойл, графиня Бёрлингтон. Этот поступок высородной леди дал повод некоторым историкам утверждать, что Ева-Мария была побочной дочерью супруга Дороти, лорда Бёрлингтона (1694–1753) (в молодости тот интенсивно путешествовал по Европе). Этот домысел, однако, совершенно не соответствовал привычному представлению об английском аристократе, тем более о человеке, заслуженно заработавшем прозвище «лорд-архитектор», ибо он всецело посвятил свою жизнь этому замечательному искусству. Бёрлингтон возродил в Англии и Ирландии стиль выдающегося итальянского архитектора Андреа Палладио и вообще был меценатом, равно как и его супруга, неплохой рисовальщик, обладавшая редким даром карикатуриста. Эта знатная чета оказывала покровительство композитору Генделю (посвятившему графу оперы «Тезей» и «Амадис Галльский»), великому трагику Дэвиду Гаррику (1717–1779) и автору знаменитой «Оперы нищих» Джону Гэю. В доме Бёрлингтонов Ева-Мария встретила Гарриком, и сразу же возникло горячее обоюдное чувство. Однако графиня Бёрлингтон считала, что брак с Гарриком ниже достоинства Файгель. Она даже уговорила актера использовать свои способности, чтобы вызвать у Файгель неприязнь к нему. Трагик последовал этому совету, но из хитроумной затеи ничего не вышло. Ошеломленная графиня постепенно изменила свое мнение, и состоялся этот очень счастливый, хотя и бездетный брак. Гарриком был богат и поселился вместе с женой в роскошном особняке. К сожалению, Ева-Мария пережила горячо любимого мужа на 43 года, но всегда говорила друзьям, что была счастлива оставить ради него сцену, где ее подруги из кожи вон лезли, чтобы заполучить богатого поклонника.

Вот как великий французский писатель Бальзак в своем рассказе «Принц богемы» повествовал о типичной судьбе, правда, с благополучным исходом, одной из таких второстепенных танцовщиц со сценическим именем Туллия: «... единственно, что она умела, – это в пируэтах, на манер Нобле¹, высоко поднимать юбку и показываться партнеру полунагой. Ста-

¹ Мари-Элизабет Нобле (1801–1852) – с 15 лет балерина Парижской оперы. Большой успех имела в Королевском театре Лондона в период 1821–24, затем вернулась в Париж. Особенно отличалась в темпераментных испанских танцах. Утверждали,

рик Вестрис с самого начала объяснил ей, что при удачном исполнении и красоте обнаженных форм танцовщицы этот прием стоит не меньше всех мыслимых талантов. В этом и состояла, по его словам, вся соль номера. А что касается всех этих знаменитых танцовщиц – Камарго, Гимар, Тальони, – тощих, черных и некрасивых, то они достигли известности лишь благодаря своей гениальности». У Туллии обычно было одновременно два любовника, один преходящий, из череды сановных поклонников, тративших на нее огромные деньги, и один – постоянный, скромный автор водевилей дю Брюэль, настоящий литературный поденщик-драматург. Когда красота танцовщицы начала увядать, она ушла со сцены, женила на себе драматурга и стала вести настолько добродетельный образ жизни, что ее новая родня дивилась:

– Я никак не могу представить себе, что госпожа дю Брюэль показывала свои ноги и все прочее всему Парижу при свете сотни газовых рожков!

что немалая доля успеха Нобле связана с покровительством влиятельного генерала Клапиреда, буквально посвятившего ей свою жизнь. После его смерти в 1841 году она ушла со сцены.

Роман, которого не было

Пришел XIX век со всеми его потрясениями, косвенным путем затронувшими и балет. Сюжетный романтический балет вытеснил пышные спектакли-празднества на псевдоантичные темы, балерины встали на пальцы, техника существенно шагнула вперед, и одних приемов Лизы Нобле уже было недостаточно для успеха танцовщицы на сцене. Но сами балерины оставались все такими же живыми, веселыми, привлекательными – тем более, что стали обнажаться еще больше. Они по-прежнему кружили голову богачам, аристократам и коронованным головам.

В этом отношении примечательна судьба сестер Эльслер, Терезы (1808–1878) и Франциски, или, как ее звали уменьшительно, Фанни (1810–1884). Они родились в предместье Вены Гумпендорф в многодетной семье Йоганна-Флориана Эльслера, переписчика нот и камердинера композитора Йозефа Гайдна, и красавицы швеи Терезы Принстер. Тереза была пятым ребенком у родителей, Фанни – шестым. С детства дети росли в атмосфере музыки Гайдна, которому поклонялись родители, и у сестер рано развилась музыкальность и проявилась склонность к танцам.

С семилетнего возраста Терезу и Фанни отдали в балетную школу (туда же пошла и еще одна сестра, Нанерль, но больше ее имя нигде не всплывает, вполне возможно по причине ранней смерти). С 1817 по 1824 год сестры танцевали в кордебалете Кертнеровского театра. Обе отличались выразительной внешностью и великолепной фигурой, по словам французского поэта и балетного критика Теофиля Готье, «ее [Фанни] прекрасное тело словно вылеплено со статуи какого-то божества времен Перикла». Более приземленные ценители красоты восторгались ее пышной грудью – «редкостью в стране антраша». Позднее поклонники имели обыкновение в один голос твердить, что «она держит в своих белых пальцах золотой скипетр красоты», и называли ее «северной испанкой», ибо чертами лица Фанни напоминала немку, черными волосами и маленькими руками и ногами – испанку. Терезу же с ее холодной античной красотой обычно сравнивали с богиней Дианой.

В 1824 году в Вену приехал итальянский антрепренер Барбайя набирать балерин в труппу театра Сан-Карло в Неаполе (напоминаем, что Неаполь в ту пору был столицей независимого государства, королевства Неаполитанского и обеих Сицилий, где правила так называемая Сицилийская ветвь династии Бурбонов). Северные красавицы приглянулись ему, и он увез обеих девушек в Неаполь. Там Фанни привлекла внимание 6-го сына короля Фердинанда IV и королевы Марии-Каролины, урожденной Габсбург, Леопольда Роберта Ксавера Бурбон-Сицилийского, принца Салерно (1790–1851). Принц являл собой типичное порождение королевских кровей – жизнерадостный, жадный до плотских утех прожигатель жизни, тонкий ценитель и коллекционер произведений искусства. Он был любимым сыном своей маменьки, которая очень хотела посадить его на трон вместо первенца, законного кронпринца (того же желала и Австрийская империя с целью усиления своего влияния), но совершенно не хотел сам Леопольд, предпочитая тяготам бремени правления наслаждение радостями жизни. От этой связи у Фанни родился сын Франц, которого она отдала на воспитание в Австрию, в Айзенштадт, где мальчик и вырос. По-видимому, жизнь его сложилась не слишком удачно, ибо в 1873 году он покончил жизнь самоубийством. Надо полагать, что для принца Леопольда связь с Фанни была лишь незначительным эпизодом в цепи любовных интрижек.

В Неаполе сестры познакомились с виртуозностью итальянской школы и многое переняли для себя. Этот опыт наложил отпечаток на всю карьеру Фанни, ибо особенный успех она приобрела именно исполнением характерных танцев. С 1827 года сестры начали выступать в различных столицах Европы. С 1829 по 1832 год Фанни состояла в связи с дипломатом, политиком и публицистом Фридрихом фон Гентцем (1764–1832), советником министра иностран-

ных дел, князя фон Меттерниха. Гентц был старше Фанни на 46 лет и оказал на танцовщицу большое воспитательное влияние. Он обучил ее разговаривать на правильном немецком языке вместо ужасающего простонародного венского диалекта, болтать по-французски, заставлял читать и познакомил со многими влиятельными особами. После смерти Гентца она сошлась со своим другом детства, танцовщиком Антоном Штульмюллером, и в 1833 году родила дочь Терезу, которую отдала на воспитание в английскую семью Грот.

С 1830 года и началась, собственно говоря, всеевропейская слава Фанни Эльслер, которую она закрепила гастролями в США и на Кубе, проходившими с фантастическим успехом. Достаточно сказать, что на Кубе некий плантатор подарил ей ящик с тысячью гаванских сигар. Ящик оказался весьма тяжелым, ибо сигары были свернуты из тонкого листового золота. Разумеется, у Фанни появились и такие поклонники, которым она позволяла любить себя, но все это было обставлено келейно и без излишней огласки.

Что касается Терезы Эльслер, то она стала фавориткой принца Адальберта Прусского (1811–1873), адмирала, племянника прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Танцовщица в 1841 году родила от него сына Адальберта, который, к сожалению, совсем молодым погиб в 1860 году во время путешествия по Нилу, – отец передал ему свою тягу к странствиям по воде. В 1850 году Тереза вступила с принцем Адальбертом в морганатический брак, и прусский король даровал ей дворянство. Обе сестры во время гастролей заработали большие деньги и встретили свою старость в полном довольстве. В 1863 году композитор Рихард Вагнер сделал в своем дневнике следующую запись: «...вчера провел вечер у Фанни Эльслер. Эта женщина походит на Нинон Ланкло². Хотя она уже и бабушка, но обворожительна по-прежнему».

Как и вокруг любой знаменитости, вокруг Фанни сложилось множество легенд, одна из которых надолго пережила как ее славу, так и самое танцовщицу. В Европе совершенно серьезно считали неспоримым тот факт, что роман темпераментной танцовщицы с сыном императора Наполеона Бонапарта ускорил кончину 21-летнего герцога Рейхштадского.

Родившийся 20 марта 1811 года у Наполеона и его второй жены Марии-Луизы, дочери австрийского императора Франца I Габсбурга, сын по желанию отца получил имя Наполеон Франсуа Жозеф Шарль и титул Римского короля. Император души не чаял в своем наследнике, но уже через три года, после разгрома империи, был вынужден расстаться с ним навсегда. Мать в сопровождении любовника, графа Найперга, отправилась управлять выделенным ей герцогством Пармским, а ребенка отдали на воспитание деду, императору Францу. В плане воспитателя значилось следующее: «Необходимо избавиться от всего, что может напомнить ему о жизни, которую он вел до сих пор... он должен считаться принцем австрийского происхождения и воспитываться в немецкой традиции... также следует искоренить многие внушенные ему идеи».

Когда ребенку исполнилось семь лет, его дед император Франц отказался в пользу внука от земель в Богемии, известных как Баварское пфальцграфство. Будущему суверену надлежало присвоить титул, связанный с одной из его провинций, которые, к сожалению, носили такие названия, которые могли произносить только проживавшие там жители-чехи, например Трнован. Но одна из провинций, Закопи, имела также и немецкое название (в Европе многие места в результате частых войн переходили из рук в руки, и двойное название было делом обычным), Рейхштадт. Так сын Наполеона стал герцогом Рейхштадским.

Однако со временем ребенок, который теперь звался Францем и до определенного возраста говорил только по-немецки (его пришлось заново учить французскому), узнал правду о своем происхождении. Скрыть ее было невозможно, Европа просто кишела бонапартистами, возлагавшими большие надежды на «Орленка» и возрождение династии Бонапартов. Он дей-

² Ланкло, Нинон (1620–1705) – знаменитая французская куртизанка, славившаяся своим умом. До самого конца своей долгой жизни была окружена поклонниками.

ствительно вырос в красивого, хотя и несколько хрупкого юношу, наделенного острым умом и прекрасными качествами, проявлявшего особую склонность к военному делу. Дамы форменным образом преследовали его, и у него было несколько увлечений блестящими аристократками, впрочем, далеко эти отношения, похоже, не заходили. Наставники и друзья решили, что связь с молодой женщиной, «наделенной умом и чувством», окажет благотворное влияние на Орленка, вследствие частых простуд подверженного приступам депрессии. Как-то он обратил внимание в придворном театре на певицу Терезу Пеш. Друзья герцога сообщили Пеш, что перед ней открылась возможность обрести высокую милость, за которую буквально шло сражение между самыми родовитыми аристократками. Она не заставила себя долго упрашивать – кто откажется от чести стать возлюбленной внука императора, будущего короля (поклонники Орленка последовательно прочили его на один из вакантных тронов – Бельгии, Польши, Греции, не говоря уж о более дерзких планах сторонников во Франции)! Певица с волнением ждала герцога в своей гримерной. Когда он нанес ей визит в сопровождении своего друга, Антуана де Прокеш-Остена, она дала понять, что склонна с радостью принять его ухаживания. На этом все и кончилось. Герцог заявил Прокешу, что ему не понравилась самоуверенность Терезы. Мрачные предчувствия не обманули Орленка: частые простуды осложнили его тяжкий недуг – туберкулез, – и он скончался 22 июля 1832 года во дворце австрийских императоров Шёнбрунн.

Но не на пустом же месте родилась легенда о связи герцога с Фанни Эльслер? Прокеш впоследствии уверял, что герцог даже никогда не беседовал с балериной. Тем не менее за ней закрепилось прозвище «могила Наполеона II». Англичане были готовы платить большие деньги за минутный визит к артистке, чтобы потом похвастать знакомством с такой выдающейся женщиной. По-видимому, сама танцовщица также не опровергала ошибочность этого утверждения, ей льстило, что ее имя связано с одной из самых романтических особ XIX века.

Историки попытались выяснить, в чем же все-таки было дело. Оказалось, что вся эта история является не более чем иллюстрацией к известной поговорке «Что написано пером, не вырубишь топором». Легенду породила любовь французского театрального и литературного критика Жюль Жанена (1804–1874) к броскому словцу и эффектному обороту речи, оставляющему след в памяти. Жанен был невероятно влиятельным критиком, который мог как создать, так и разрушить карьеру артиста буквально несколькими предложениями. Он свыше 30 лет сотрудничал в чрезвычайно солидной газете «Журналь де деба», и слово его не подвергалось никаким сомнениям. Вполне возможно, что до Парижа доходили из Вены какие-то смутные слухи о связи Наполеона II с Фанни Эльслер. Известно, что досужие умы часто связывают между собой имена знаменитостей, выдавая желаемое за действительное, – отчего бы и не посудачить о романе между знаменитой балериной и юношей с такой редкой судьбой? Так вот, в 1834 году сестры Эльслер получили ангажемент в Парижской опере. Жюль Жанен³ в своей статье о дебюте новой балерины Фанни Эльслер в балете «Буря» написал о ней: «та, которая вызвала первый и, увы, последний вздох герцога Рейхштадского». Авторитет критика делал любое его утверждение неоспоримым, и печатное слово превратило совершенно ничем не обоснованные слухи в неопровержимую истину.

Так родилась эта красивое предание, настолько красивое, что поэт Эдмон Ростан не преминул использовать его в своей драме «Орленок», имевшей бешеный успех, тем более что роль герцога Рейхштадского исполняла самая знаменитая актриса (и куртизанка) Франции Сара Бернар.

³ Статья Жанена была довольно пресной, ибо сам критик являлся поклонником другой великой балерины той эпохи, воздушной Марии Тальони. Признавая талант Фанни, он все-таки отдавал пальму первенства Тальони. Возможно, поэтому Жанен и не очень озаботился точным соответствием своих слов реальной действительности.

Как видим, более всего привлекали к себе властителей Европы быстроногие нимфы из свиты музы Терпсихоры. Их скорее можно назвать жрицами, служившими двум богам: света и искусства – Аполлону – и непостоянному шаловливому Эроту – божеству любви, сыну Афродиты. Была ли то сила исключительно физической привлекательности этих чародеек, или же к ней присовокуплялось еще и всемогущество их искусства? Для более глубокого исследования данного феномена стоит ознакомиться с историями танцовщиц Барбарини Кампанини, фаворитки прусского короля Фридриха II Великого, и Лолы Монтез, увлечение которой королем Людвигом I Баварским стоило ему трона.

Фаворитка под вопросом

В начале XVIII века в Европе, все еще не решавшейся окончательно сбросить с себя оковы средневековых обычаев, поверий и предрассудков, повеяло, наконец-то, свежим духом. Наиболее дерзкие вольнодумцы осмелились в открытую поставить под сомнение непоколебимые догматы о божественном происхождении королевской власти и всех феодальных устоев. Эти смельчаки всю критикували деспотизм абсолютной монархии и без малейшего стеснения вели разговоры о том, что, исходя из веры в безграничную силу человеческого разума, пора бы переиначить устройство общества на рациональных основаниях. По их мнению, в основе этого нового построения должны лежать политические свободы и гражданское равенство.

Беспощадные остроумцы, накопившие невиданный запас знаний, по большей части своей отчаянные безбожники и ерники, просветители, похоже, не вполне осознавали, что процесс переустройства общества, собственно говоря, уже давно совершался стихийно в виде мучительной вялотекущей борьбы, связанной с переходом от феодальных отношений к рыночным. Само собой, народившуюся буржуазию меньше всего интересовало воплощение в жизнь проповедуемых энциклопедистами гуманистических идеалов. Идеологам же Просвещения хотелось как можно быстрее претворить в жизнь свои грандиозные планы хотя бы в нескольких государствах, дабы потрясенное прекрасными плодами этих преобразований человечество полностью осознало всю полезность предлагаемого ими реформирования общества. Для выполнения своих замыслов часть просветителей во главе с Вольтером сделала ставку на так называемых «просвещенных монархов», которые располагали блестящей возможностью радикально изменить жизнь в своих государствах на новых разумных началах, для чего требовалось провести ряд реформ.

Надо сказать, что этот призыв к очерствевшим монархическим душам нашел-таки отклик в Европе. Первым на него отозвался король Пруссии Фридрих II Гогенцоллерн, давний и страстный поклонник Вольтера. Честно говоря, просветители меньше всего ожидали такой реакции именно из этого государства, слывшего олицетворением отсталости, косности, оголтелого милитаризма и самого настоящего самодержавного деспотизма.

Королевство Пруссия в ту пору являлось составной частью Священной Римской империи германской нации. Это древнее государственное образование ранее включало в себя Германию, занимавшую в нем господствующее положение, и другие королевства, герцогства, княжества, земли и свободные города, которые некогда в той или иной мере действительно подчинялись германским императорам. Со временем власть императора становилась все более и более эфемерной, подвластные ему области превратились в подвассальные владения, весьма слабо зависевшие от императора. Полномочия же самого императора были отнюдь не беспредельны, тем более что этот правитель подлежал избранию князьями-избирателями – курфюрстами. С 1438 года эта весьма условная корона закрепилась за представителями династии Габсбургов – монархов Австрийской империи. После Тридцатилетней войны власть императора стала чисто номинальной, но, тем не менее, долг вассальной преданности объединял под его скипетром в начале XVIII века около 300 суверенных государств. Можно себе представить, как с непривычки поначалу пестрило в глазах у любого, пожелавшего изучить карту Священной Римской империи. Правда, главы этих самостоятельных образований зачастую обладали большинством, но отнюдь не всеми полномочиями, подобающими суверену, – начиная с права избирать императора.

Блеск и нищета королевства Пруссия

Территория королевства Пруссии была довольно обширной, но весьма разбросанной. Его ядро составляло герцогство Бранденбург с главным городом Берлин, в конце XVII века весьма неказистым и провинциальным. На юге Бранденбурга располагались княжество Хальберштадт и герцогство Магдебург. На северо-востоке Бранденбурга раскинулась территория герцогства Померания с его протяженным побережьем Балтийского моря и немаловажным портовым городом Штеттин, удобно устроившимся в устье реки Одер. Еще дальше, отделенные широкой полосой территории, находившейся под властью Польши, за пределами Священной Римской империи и на самом краю немецкоговорящей Европы, расположились земли Восточной Пруссии. Именно поэтому, когда деду Фридриха Великого, курфюрсту Фридриху, в 1701 году удалось добиться присвоения королевского титула, он стал монархом в Пруссии, а не в Бранденбурге, ибо император Священной Римской империи также обладал титулом немецкого короля. Двум королям в границах одной империи сосуществовать не полагалось, а Пруссия была чисто суверенным государством за ее пределами. Отсюда и венчался Фридрих I на царство в Кенигсберге, каковое событие было отпраздновано с необыкновенной пышностью. Но этими землями владения прусского короля отнюдь не ограничивались, все прочие мелкими вкраплениями были рассыпаны по территории Священной империи. На далеком Западе, на границе с Голландией, в районе нижнего Рейна располагалось герцогство Клевское, граничившее с графством Мерс. На правом берегу могучей полноводной водной артерии Рейн находилось графство Марк, разделенное примерно пополам рекой Рур. Позднее она дала свое название самой крупной промышленной области Европы. Плодородная Вестфалия приютила у себя графства Равенсберг, Текленбург, Линген и герцогство Минден. Княжество Нойенбург вообще было зажато между границами Франции и Швейцарии. В 1707 году, после смерти бездетной княгини Марии Немурской, его жители-протестанты добровольно избрали своим правителем короля Пруссии Фридриха Первого и прожили под властью династии Гогенцоллернов (ни разу не удосужившихся навестить лично эти благословенные места) почти 150 лет до вступления Нойенбурга в Швейцарскую Конфедерацию. Все эти разбросанные владения были приобретены Гогенцоллернами в разное время и при различных обстоятельствах, но их тесно связывали четыре весьма прочные скрепы: правящая династия, религия, язык и принадлежность к Священной Римской империи (за исключением Восточной Пруссии, которая до 1660 года была ленным владением польской короны).

Курфюрсты Бранденбургские, а затем короли Прусские не упускали случая прибедниться, жалуясь на скудость плодородия своих песчаных земель и пустоту их недр. С одной стороны, эти стенания не были лишены оснований, поскольку княжество Бранденбург заслуженно носило прозвище «песочницы Священной Римской империи»⁴. С другой стороны, удручавшая своим однообразием равнинная местность из пустошей, болот и озер, не была отягощена препятствиями в виде гор. К тому же по этим равнинам вольно струились полноводные реки, прекрасно выполнявшие роль надежных транспортных артерий в те далекие времена, когда вульгарная, ничем и никем неодолимая грязь в мгновение ока делала грунтовые дороги совершенно непроходимыми. Эти преимущества в полной мере оценили предки Фридриха Великого. Они затратили более ста лет (что не удивительно при состоянии строительной техники тех времен), с 1558 по 1660-е годы, на строительство канала Мюльрозе, обеспечившего судоходство из Одера в Шпрее и в Берлин, а оттуда по Хафелю в Эльбу и далее к Северному морю. Это сильно

⁴ В ту пору под этим названием подразумевалась, безусловно, не огороженная куча песка, в которой играют дети, а небольшой сосуд с некоторым количеством отверстий на крышке. В него засыпали песок мелкой фракции, который использовали вместо промокающей бумаги, посыпая им свеженаписанный чернилами текст.

облегчало транспортировку товаров и людей, что вызывало немалую зависть у ненавистных соседей-австрийцев, которым с теми же целями приходилось преодолевать высокие горы. Что же касается плодородия, оно было вполне сносным в землях западной части Пруссии, к тому же, там была неплохо развита текстильная промышленность.

Если дворяне прусского королевства и не могли похвастаться богатством, – там не было, подобно Франции или Англии, крупных феодалов, проживавших в замках и вполне способных снарядить собственную небольшую армию, – то этого никак нельзя было сказать о самих Гогенцоллернах. Как известно, в ходе Реформации главами государств было конфисковано имущество католической церкви, но если в Англии непомерное стремление к роскошному образу жизни Тюдоров и Стюартов позволило им быстро промотать поистине несметные сокровища, то бережливые Гогенцоллерны не только не позволили пустить эти богатства по ветру, а даже приумножили их. Король Пруссии Фридрих-Вильгельм I был самым крупным земельным собственником в своем государстве: ему принадлежала примерно четверть территории королевства, что составляло примерно треть обрабатываемых земель. Естественно, монарх не опускался до того, чтобы лично утруждать себя мучительными вопросами, какой вид зерна возделывать на столь разбросанных и разнообразных землях, а также терзаться волнениями по поводу того, пошлет ли Господь дожидчика в засушливый год или прекратит ли ливни на период жатвы. Под прямым королевским управлением находилось лишь с дюжину поместий, в основном конные заводы (вещь чрезвычайно прибыльная в эпоху преобладания верховой езды и гужевого транспорта). Все прочие земли сдавались в аренду, причем с аукциона, тем бургерам (проще говоря, мещанскому сословию), кто предложит лучшую цену. Дворяне к этим аукционам не допускались. При этом в государстве существовало значительное количество мелкопоместных дворян, людей небогатых и служивших источником комплектования своими детьми чиновничьего аппарата и офицерского сословия.

Гогенцоллерны были людьми чрезвычайно практичными, лишенными какого бы то ни было полета фантазии, что отражалось даже на выборе имен для их многочисленного потомства. Во всяком случае, в течение довольно длительного времени на троне курфюрстов Бранденбургских последовательно сменялись правители с именами Фридрих и Фридрих-Вильгельм. Не перепутать их способны лишь специалисты-историки, а потому мы ограничим наше повествование такими персонами с королевским титулом, как Фридрих I (годы правления 1688–1713), Фридрих-Вильгельм I (1713–1740) и Фридрих II Великий (1740–1786).

Король Фридрих I был одиннадцатым по счету правителем на троне с 1415 года, когда император Сигизмунд пожаловал бургграфу Фридриху IV Нюрнбергскому из рода Гогенцоллернов выморочное маркграфство Бранденбург и возвел его в достоинство курфюрста. Фридрих I унаследовал владение, которое считалось второразрядным или даже третьеразрядным. Но молодому курфюрсту не терпелось вознестись среди равных себе и, главное, получить право возводить наиболее отличившихся подданных в дворянское звание. Фридрих I отметился в истории Германии почти исключительно тем, что практически купил для своей династии королевский статус, передав в распоряжение императора Священной Римской империи Леопольда Первого за 150 000 гульденов 8 000 солдат для участия в Войне за испанское наследство и пообещав поддерживать проводимую императором политику. Он почти на век предвосхитил поступок Наполеона Бонапарта, лично возложив в Кенигсбергском замке королевскую корону сначала на себя, а затем на коленопреклоненную супругу.

Фридрих с детства отличался слабым здоровьем, не в последнюю очередь вследствие искривленного позвоночника – якобы в детстве его уронила нянька. Для сокрытия некоторого подобия горба ему приходилось носить чрезвычайно длинный алонжевый парик. Его вторая жена⁵, красивая и остроумная София-Шарлотта из династии герцогов Ганноверских, в шутку

⁵ В первый брак Фридрих вступил по любви с принцессой Генриэттой Гессен-Кассельской, которая, будучи беременной,

называла его «мой Эзоп», ибо, по преданию, сей античный баснописец также был горбат. Королева, превосходившая своего супруга как по силе воли, так и по уму, убедила его придать новый облик весьма заштатному Берлину и воздать должное покровительству искусств и наук. В результате был выстроен замок Шарлоттенбург, ставший летней резиденцией Софии-Шарлотты, в Галле открыт новый университет, третий после Кенигсберга и Франкфурта-на-Одере, в Берлине основаны Академия искусств, т. е. по образцу Рима и Парижа, высшая школа искусств и Научное общество, позднее превратившееся в академию. Королева поспособствовала тому, что в Пруссию переехало несколько известных ученых, в частности, Готтфрид-Вильгельм Лейбниц, с которым состояла в весьма тесных дружеских отношениях ее мать, герцогиня Ганноверская. В 1700 году Лейбниц, объединявший в своей единственной персоне философа, математика, физика, изобретателя, юриста, историка, языковеда и дипломата, стал первым президентом означенного Научного общества.

Однако в 1705 году королева София-Шарлотта скончалась от воспаления легких, и король свернул на простейший путь подтверждения великолетия своего двора посредством пышных праздников, концертов и балетных представлений. Тем временем прусские солдаты покрывали себя неувядаемой славой неустрашимых профессионалов-наемников, отличаясь как в битвах Войны на испанское наследство, так и Северной войны, в ходе которой шведский король Карл XII пытался оспорить претензии царя Петра Первого на часть прибалтийского побережья. Вместо короля во всех заседаниях Тайного совета министров и Тайного военного совета с юных лет принимал участие кронпринц Фридрих-Вильгельм, широкоплечий, приземистый, с неотесанными манерами, более смахивавший на фельдфебеля, нежели на наследника короны. Тем не менее он всегда с живым интересом следил за государственными делами и с нескрываемой ненавистью порицал шумную круговерть светской жизни при дворе своего легкомысленного папаши.

Отец рано устроил брак сына с его двоюродной сестрой, принцессой Софией-Доротеей Ганноверской, сестрой короля Великобритании Георга II⁶. Вообще-то подобные кровосмесительные браки, столь частые среди династических союзов, обычно приводили к печальным результатам. По-видимому, Ганноверская династия несла в себе тяжелое наследственное заболевание порфирию, перешедшее еще от Тюдоров, которой явно страдал Фридрих-Вильгельм и которая вызвала безумие у короля Великобритании Георга III. Мучительная неизлечимая хворь безжалостно терзала Фридриха-Вильгельма внезапными обмороками, бессонницей, кошмарами, помутнением сознания, беспричинными вспышками гнева. В зрелом возрасте у него случилось четыре тяжелых обострения, от последнего из которых он и скончался в 1740 году в возрасте всего 51 года. Отношения с супругой у короля сложились отвратительные, ибо трудно было представить себе две более несхожие личности. Тем не менее королева родила 14 детей, из которых выжило десять. В 1712 году на свет появился долгожданный наследник короны, кронпринц Фридрих (родившиеся раньше него двое сыновей скончались сразу же после появления на свет).

Королю Фридриху I никак не удавалось найти решение сложной проблемы по безболезненному финансированию своего роскошного двора и одновременного содержания большой армии. Надо сказать, что в то время наличие постоянной армии в государстве было не совсем обычным делом. Как правило, армию набирали в случае необходимости ведения военных действий из местного населения, широко прибегая также к услугам наемников. Некогда подобным образом поступали и курфюрсты Бранденбургские. Но вот разразилась Тридцатилетняя война, и стало ясно, что княжеству, простиравшемуся без ярко выраженных природных гра-

скончалась в возрасте 22 лет от оспы. Второй брак был заключен исключительно из политических соображений.

⁶ О печальной судьбе матери Софии-Доротееи и родственной связи герцогов Ганноверских с тронном Великобритании см. мою повесть «Нерыцарский роман», включенный в книгу «Что губит король» из серии «Фавориты и фаворитки».

ниц по всей обширной Северо-Германской равнине можно защититься лишь с помощью сильного войска. Тогдашний курфюрст Георг-Вильгельм (правивший с 1619 по 1640 год) попытался уклониться от военных действий и направил в 1630 году посланца с просьбой уважать нейтралитет Бранденбурга к своему свояку, королю Швеции Густаву-Адольфу II, вторгшемуся в Померанию. Родственничек резко ответил, что в борьбе не на жизнь, а на смерть между добром и злом (т. е. протестантизмом и католицизмом) нельзя стоять безучастно в стороне. Прусские министры стали умолять курфюрста сдаться на милость победителей шведам, но Георг-Вильгельм предпочел последние два года войны сражаться с различными вражескими силами, причем потерял где-то от 40 до 50 % населения княжества. Сын этого курфюрста, унаследовавший трон в 1640 году в возрасте 20 лет, хорошо затвердил урок, что лучше быть хищником, нежели жертвой, и поклялся всю жизнь воздерживаться от нейтралитета.

Он набрал армию в 8000 человек, которая к концу его правления в 1688 году выросла до 31 000. Его потомки в 1709 году довели численность армии до 44 000, самая большая численность постоянных вооруженных сил среди суверенов Священной Римской империи германской нации после австрийской. 11 сентября 1709 года, в ходе Войны за испанское наследство, ее подразделения во главе с кронпринцем Фридрихом-Вильгельмом отличились в неслыханно кровавой битве при Мальплаке, когда соединенные силы союзников под командованием герцога Мальборо и принца Евгения Савойского наголову разбили французов. Впоследствии король Фридрих-Вильгельм I ежегодно праздновал эту дату, называя ее счастливейшим днем в своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.